

ет обратное: проанализировав механизмы и способы вербализации отрицательных эмоций в современном немецком языке, мы пришли к выводу, что изучение процесса вербализации эмоций позволяет получить более полное представление о языковой среде, картине мира представителей других стран, в данном случае немцев, помогает диагностировать их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К. Эмоции человека. – М.: Полиддат, 1980. – 212 с.
2. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология эмоций. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 180 с.

*Д.Д. Фролова (Россия, Самара)
Научный руководитель Н.К. Данилова*

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В РОМАНЕ Э. ЕЛИНЕК «ПИАНИСТКА»

В статье рассматриваются способы выражения вербальной агрессии на материале романа «Пианистка» австрийской писательницы Эльфриды Елинек. Герои романа – протагонистка Эрика и ее мать фрау Кохут – демонстрируют скрытую невербальную агрессию при помощи частиц и «псевдо-императивов», т. е. угроз-предупреждений о возможности нанесения физического вреда, если адресат не выполнит требования адресанта. Наравне с этим, персонажи употребляют в речи сниженную и ненормативную лексику, что выражает прямую агрессию, направленную на адресата.

***Ключевые слова:** вербальная агрессия, Эльфрида Елинек, вербальная коммуникация.*

В XX веке лингвистика сфокусировалась на изучении феномена агрессии в качестве явления речевой коммуникации. Несмотря на то, что речевая агрессия являлась предметом многих исследований, единого определения до сих пор нет. В нашем исследовании мы опираемся на определение российского лингвиста М.Н. Кожина, который определяет речевую агрессию как «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манеры речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [3, с. 52].

Проводя анализ языковых средств реализации вербальной агрессии, мы пришли к выводу, что прагматически и семантически они обладают разной степенью интенсивности и экспрессии. Так, наименьшим прагматическим потенциалом обладают частицы и вопросы, так как являются способами выражения имплицитной агрессии. За ними следуют «псевдо-императивы», которые в совокупности с усилительными частицами обозначают собой угрозу-предупреждение о возможности нанесения физического вреда, если адре-

сат не выполнит требования адресанта. Большой интенсивностью обладают прагматически окрашенные синонимы, которые меняют свое первоначальное значение. Степень агрессивности возрастает в том случае, если используется прагматический потенциал фразеологических оборотов, которые добавляют экспрессивности высказыванию и оказывают больший психологический эффект на слушающего. Наибольшей экспрессивностью и интенсивностью обладают лексы агрессии и инвективы, которые выражают открытую неприязнь к собеседнику, унижают его достоинство путем сравнения собеседника с животными, предметами, или даже путем прямого оскорбления, основанного на умственных или физических способностях.

В романе австрийской писательницы Э. Елинек «Пианистка» вербальная агрессия в большей степени проявляется в диалогах между главной героиней Эрикой и ее матерью, живущими в постоянном конфликте. Так, фрау Кохут, мать Эрики, постоянно следит за тем, чтобы дочь вовремя возвращалась с работы и нигде не задерживалась. Когда Эрика приходит с опозданием, мать говорит ей: «*Du glaubst wohl, ich erfahre nicht, wo du gewesen bist*» [2, с. 5]. В данной фразе отсутствует прямая агрессия, так как мать еще не знает причины, почему Эрика опоздала. Однако употребление в речи частицы *wohl*, которая выражает предположение, проникнутое сомнением, выражает скрытую агрессию фрау Кохут.

Когда выясняется, что Эрика опоздала из-за покупки нового платья, мать впадает в ярость и начинает кричать на дочь, ругая за столь легкомысленный поступок: «*Du hast dir damit späteren Lohn verscherzt! <...> hast du jetzt nur eine Fetzen<...>*» [2, с. 6]. Глагол *sich verscherzen* обладает достаточно негативной коннотацией, так как он означает «упустить что-то по легкомыслию, по своей вине». Таким образом, мать обвиняет Эрику в растрате денег, которые они откладывают на новую квартиру. Однако на этом фрау Кохут не останавливается: вместо того, чтобы назвать платье словом *das Kleid*, она использует разговорное слово *der Fetzen*, которое обесценивает важность покупки для дочери.

Следующие высказывания рисуют яркий портрет деспотичной матери, которая использует язык силы и агрессии при общении с дочерью: «*Loslassen, sagt die Mutter, gib es her! Für deine Gier nach Äußerlichkeiten musst du bestraft werden. Bisher hat dich das Leben durch Nichtbeachtung gestraft, und nun straft dich deine Mutter, indem sie dich ebenfalls nicht beachtet, obwohl du dich behängst und bemalst wie ein Clown. Hergeben das Kleid!*» [2, с. 10]. В речи фрау Кохут встречается множество глагольных форм, например, *loslassen*, *hergeben*, которые являются «псевдо-императивами» и выражают угрозу, что если дочь не отдаст платье, то обязательно последует наказание. «Псевдо-императив», являясь способом выражения имплицитной агрессии, подготавливает почву для использования прямой агрессии, которая так же характерна для речи матери. Так, мать переходит к прямым угрозам, используя глаголы *strafen* и *bestrafen*, которые несут в себе значение не только «штрафовать», но и «качать».

Кроме того, агрессивное поведение фрау Кохут прослеживается не только во время ссор, но и в повседневном общении с дочерью: «*Die Mutter stichelt Erika wegen zu großer Bescheidenheit an. Du bist immer aller letzte!*» [2, с. 31]. Особая роль в этом высказывании отведена глаголу *ansticheln*. В прямом значении он подразумевает быстрое шитье иглой, а в переносном имеет смысл «скрытые колкие замечания» – *versteckte spitze Bemerkungen, boshafte Anspielungen machen; mit spitzen Bemerkungen, boshafte Anspielungen reizen oder kränken* [1].

Тем не менее, фрау Кохут не единственная героиня романа, которая использует вербальную агрессию в общении. Эрика также не отстает от матери и даже превосходит ее, так как в ее речи чаще встречаются бранные слова и резкие выражения. Один из таких примеров мы можем наблюдать в ситуации интимной близости между Эрикой и Вальтером Клеммером, происходящей в туалете консерватории. Эрика запрещает молодому человеку дотрагиваться до своего тела одной лишь фразой: «*Fingerweg, sonst sehen Sie mich nie wieder in solcher und ähnlicher Situation, Herr Klemmer*» [2, с. 215]. Мы можем отметить, что в данной фразе содержится скрытая угроза, ставящая Вальтера перед выбором, выраженная императивом *fingerweg* и усиленная наречием *nie wieder*, которое оказывает особое психологическое влияние на влюбленного молодого человека.

В надежде на сочувствие Эрики, Клеммер продолжает уговаривать ее продолжить общение. В этот момент она окончательно теряет терпение и кричит: «*Halten Sie Ihr Maul!*» [2, с. 215]. Слово *das Maul* в данном контексте несет в себе негативную коннотацию и является очень грубым и сниженным вариантом слова *der Mund*. Крайне важно, что данная лексема также обозначает и пасть животного, что наталкивает нас на мысль, что Эрика не только агрессивно настроена по отношению к Клеммеру, но и относится к нему, в некотором роде, как к животному.

Общение с матерью также не обходится без бранной лексики. В ссорах, когда заканчиваются аргументы и остается лишь злоба от собственной беспомощности перед матерью, Эрика обзывает ее «последними словами»: «*Du Luder, Luder!*» [2, с. 10], «*Sie beschimpft die Mutter als gemeine Kanaille*» [2, с. 11]. В Duden Online-Wörterbuch слово *das Luder* определяется как «*meist weibliche Person, die als durchtrieben und liederlich angesehen wird*» [1]. Слову *die Kanaille* дается следующее определение: «*jemand, der als böse, schurkisch angesehen wird*» [1]. Оба эти слова относятся к группе обценной лексики, что вносит в речь Эрики наиболее интенсивную эмоциональную окраску, демонстрирующую агрессию в ее высказываниях.

При анализе приведенных выше примеров можно сделать вывод, что обе героини романа демонстрируют агрессивное вербальное поведение не только по отношению друг к другу, но и к другим людям. Речи фрау Кохут чаще свойственны императивные формы, указывающие на скрытую агрессию, а речь Эрики наполнена сниженной лексикой, которая демонстрирует открытое

проявление вербальной агрессии. Приемы языковой репрезентации агрессии служат тем самым формированию композиционных связей в зависимости от статуса и функций персонажей, создавая сложный сюжетный рисунок романа.

Литература

1. Duden Online-Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung>.
2. Jelinek, E. Die Klavierspielerin. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch. – Verlag, 2016. – 335 p.
3. Кожин, М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы): сб. науч. работ. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. – С. 52-61.

*А.Б. Хренова (Россия, Самара)
Научный руководитель С.И. Дубинин*

РУСИЦИЗМЫ КАК СПОСОБ ИНТЕГРАЦИИ В ИНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ НЕМЦА НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ)

Статья посвящена анализу использования русского языка в мемуарах немца-эмигранта, представителя сословия российских служащих, как проявление интеграции в чуждое лингвокультурное пространство. Выбранный письменный источник (мемуары) является примером ментального и вербального контактов русского и немецкого языков вследствие проживания их автора за пределами этнической родины. Рассматривается употребление русицизмов также в качестве средства усиления выразительности мемуарного текста.

Ключевые слова: *социокультурная интеграция, инокультурное пространство, мемуары, кодовое переключение, билингвизм, языковой контакт, менталитет.*

С социолингвистической точки зрения процесс переключения кодов и смена языка общения рассматривается как средство этнической самоидентификации, выражения независимости или как средство преодоления этнических барьеров («свой-чужой»).

Материалом для исследования стали мемуары, написанные на немецком языке (рукопись и машинописный вариант) дочерью немецкого управляющего имений в Самарской губернии в конце XIX века (село Усолье), Хелен Эрт (Helen Ehrт), к которым можно равным образом применить определение «дневник обыкновенной женщины». Данный источник найден и изучен благодаря консультативной поддержке и книге воспоминаний «Mit und ohne Russland» профессора Бернда Бонвеча (1940-2017), который является дальним потомком автора мемуаров и в нашем случае стал «связующим звеном» с автором.